

УДК 327.52, 327.57

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320213340>

Алексей СИНДЕЕВ

ДЕФИНИЦИИ И ПАРАДИГМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Современная политическая деятельность развивается на основе транслирования и частичной корректировки ранее разработанных алгоритмов и подходов, что существенно повышает практическую значимость историко-политологической методологии, с помощью которой можно выявить содержание, направления эволюции, перспективы изменения традиционных феноменов и моделей. В статье предпринята попытка изучить суть феномена безопасности в контексте формирующихся в настоящее время парадигм. Рабочей гипотезой послужило предположение, что трансформационные процессы 1970-х гг., пережившие впоследствии «качели безопасности» (разрядка – обострение – разрядка – обострение), их элементы, системная иерархия и логика представления продолжают сохраняться в актуальной западной модели, поскольку многоакторность и успешные трансформации замедляют изменения. В результате проведённого исследования были выявлены диспропорции в содержательном определении цели безопасности, противоречия между политическими целями и процессами, подтверждена рабочая гипотеза, а также намечены проблемы, требующие дальнейшего изучения, в том числе через расширение эмпирической базы. Статья написана преимущественно на материалах трёх «Белых книг» бундесвера. Она носит дискуссионный характер, но уже на данном этапе исследования имеет практическое значение, что нашло отражение в четырёх рекомендательно-прогностических выводах.

Ключевые слова: европейская безопасность, парадигмы безопасности, системы безопасности, подходы к обеспечению безопасности, европейский сегмент безопасности, европейский уровень безопасности.

Постановка проблемы

Безопасность – диффузный феномен. В силу перманентного характера конкуренции, соперничества и борьбы за ресурсы результат сохранения обществ и государств, составляющий его традиционное наполнение, может быть только промежуточным. Это ориентирует исследователей на постоянное осмысление условий, в которых феномен существует или способен существовать, и на выявление эффективных способов управления им.

В настоящее время особого внимания, на наш взгляд, заслуживают два возможных направления теоретического поиска:

1) *институциональная интерпретация безопасности.* В этом случае речь идёт об институциональных условиях возникновения и потенциально допустимого взаимодействия альянсов и блоков, природе альянсов, времени, причинах, факторах и способах их появлений, перспективах и трудностях сотрудничества внутри партнёрских и союзнических институтов, а

© Синдеев Алексей Александрович – доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности ИЕ РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: a_sin74@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5016-7931

Статья поступила в редакцию: 28.04.2021.

также о вынужденности и ограниченности соперничества конкурирующих институтов, крупных акторов. В институциональной интерпретации безопасность предстаёт самостоятельной *системой* партнёрства и соперничества доминирующих институтов и способных выступать независимо от них крупных акторов. Благодаря этому признаются естественный характер взаимодействия союзников, партнёров, конкурентов и соперников, ожидаемые результаты (статус-кво, вытеснение, контролируемая конфронтация и т.п.), выбранные сторонами роли и готовность им следовать, сложность или невозможность обеспечить безопасность вне союзов и альянсов, привлечения к ним крупных игроков;

2) если же исходить из *многоуровневости безопасности*, то придётся отказаться от учёта закономерностей функционирования институциональной системы, пересмотреть принцип доминирования, проанализировать природу отдельных систем, сконцентрироваться на отношениях между уровнями и имеющимися там региональными и субрегиональными *системами*, выстроить сложную иерархию элементов как внутри отдельной системы, так и между системами, определить взаимосвязь иерархии с традицией её поддержания, вывести критерии эффективности каждого из уровней, а также роли акторности, поскольку многоуровневость в состоянии «размыть» силовые преимущества крупных игроков.

Таким образом, европейский сегмент безопасности (институциональный подход) и европейский уровень безопасности (многоуровневый подход) предполагают работу в различных исследовательских парадигмах и методологиях, обуславливают появление разных с точки зрения практического применения выводов: институциональная интерпретация безопасности с её сегментацией повышает вероятность сотрудничества контрагентов; многоуровневость позволяет лучше изучить конфликтность и противоборство.

Впрочем, не только учёные, но и политики стоят перед выбором парадигм. Одновременное использование или смешение обоих пока маловероятны, а предпочтение одной из них порождает понятийный дисбаланс и препятствует продуктивному диалогу.

С учётом вышеизложенного автор попытался выявить потенциал и последствия сближения обоих подходов, взяв для первичного анализа универсальные категории «цель» и «процесс», поскольку феномен безопасности реализует в процессах определённую цель. Процессы могут присутствовать и в европейском сегменте безопасности, и на европейском уровне безопасности.

Следовательно, изучение «поведения» одинаковых категорий в разных парадигмах и возникающие благодаря этому «поведению» дефиниции безопасности предоставляют важный материал для гипотез и выводов, в том числе касательно дискуссии о стратегической культуре. Необходимо заметить, что дефиниции безопасности, по мнению автора, интересны, прежде всего, из-за взаимосвязи с подходами, от которых они зависят.

Эмпирическую базу статьи составили «Белые книги» бундесвера¹, вышедшие в переходной ситуации, казалось бы, максимально благоприятной для диалога представителей противоборствующих лагерей. «Белые книги» – аппаратные документы, но именно по этой причине их можно рассматривать как часть политического консенсуса.

¹ Weißbuch 1971/1972: Zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr. Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1972; Weißbuch 1973/1974: zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr (Drucksache 7/1505 vom 8. Januar 1974). Bonn: Universitäts-Buchdruckerei, 1974; Weißbuch 1975/1976: Zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr. Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1976. Цитаты в статье приведены по «Белой книге» 1973–1974 гг. Выводы скорректированы с учётом анализа трёх документов. Автор выражает благодарность коллегам, работы которых помогли в написании статьи. Часть работ представлена в списке литературы. Подробный анализ см.: Синдеев А.А. Проблемы трансформации европейской безопасности в работах российских политологов. М.: ИЕ РАН, 2020.

Цели безопасности

В «Белой книге» 1973–1974 гг. выделены три цели. **Первая** (комплексная и классическая) состоит в защите «свобод[ы] и независимост[и]... страны от военных угроз и политических принуждений... сохран[ении] мир[а]»¹. Комплексность определяется установками, привычно воспринимаемыми в качестве самостоятельных целей, – «защита страны» (ориентация на оборону) и «сохранение мира» (международная активность).

Имеется и уточняющий вариант первой цели: «Оборонные усилия Запада направлены на то, чтобы сохранить мир, суверенитет и территориальную целостность всех союзников по Альянсу»². Кроме соединения, как и в основном варианте, национального и межгосударственного уровней предлагается иная иерархия: сначала – мир, затем – «суверенитет и территориальная целостность». Последние становятся семантическими синонимами «свободы и независимости», зависящими от «оборонных усилий Запада», а значит и от характеризующих его ценностей.

Особо подчёркивается, что для обеспечения мира, суверенитета и территориальной целостности «необходима стратегия сдерживания»³. Парадокс заключается в том, что сдерживание также способно быть целью, самостоятельным процессом и средством.

Согласно первой цели под безопасностью необходимо понимать совместные усилия союзников, обеспечивающие мир и независимость в рамках укрепления западной модели и разработанной с её помощью стратегии.

Вторая цель (достижение «баланса сил» или «сбалансированного соотношения сил») конкретизирует направление сотрудничества союзников. Баланс и соотношение сил можно анализировать как целостное состояние и как дифференцированные уровни взаимодействия, то есть с доминированием статики или динамики, большей или меньшей удовлетворённости достигнутым. Именно поэтому не баланс, ввиду его абстрактности, а «соотношение сил позволяет вести переговоры о двусторонних, взвешенных сокращениях войск в Европе», в результате которых формируется «паритет («*Gleichstand*» как состояние – А.С.) вооружённых сил обеих сторон на более низком уровне» и проводится «оборонная политика НАТО», основанная «на мировом стратегическом балансе сил между государствами-членами и членами Варшавского пакта»⁴. Таким образом, баланс – потенциальная ценность, соотношение – практическая ценность.

Реализация второй цели делает бессмысленным нескоординированный рост боеготовности национальных вооружённых сил, поскольку программы отдельных государств в сфере оборонной политики должны быть детерминированы общностью усилий в поддержании паритета и соотношения сил в Европе и в мире. Уже в первой половине 1970-х гг. европейская безопасность мыслилась в качестве производной от мирового порядка и баланса (паритета).

Достоин внимания ещё один аспект проблемы: «Ядерный паритет мировых держав, – записано в “Белой книге” 1973–1974 гг., – ограничивает их свободу действий. Это повышает значение элементов безопасности ниже ядерных потенциалов. Тем самым возрастает ответственность средних и малых стран за мир»⁵, а следовательно, и их роль в обеспечении «сбалансированного соотношения сил».

Согласно второй цели под безопасностью необходимо понимать статус-кво в виде предполагаемого баланса (паритета) или максимально возможного устойчивого соотношения сил

¹ Weißbuch 1973/1974... S. 3.

² Ibid. S. 16.

³ Ibid.

⁴ Ibid. S. 7, 16, 46.

⁵ Ibid. S. 9.

противоборствующих сторон.

Третья цель – достижение общественного консенсуса, так как в демократиях «всегда есть напряжённость между оборонной политикой правительства и парламента, с одной стороны, и разнообразными тенденциями в стране, с другой стороны»¹. В этой логике активная роль государства на международной арене напрямую зависит от результатов формирования консенсуса.

Согласно третьей цели под безопасностью необходимо понимать условия её обеспечения, то есть среди прочего наличие внутривластного консенсуса относительно обороны и принципов применения силы.

Очевидно, что общественный консенсус, касающийся союзнических отношений, сотрудничества, роли страны в мире и вклада в западную модель, должен периодически обновляться. Соотношение сил, баланс (паритет), статус-кво, а также средства оборонной политики находятся в компетенции профессионалов, но и они наверняка подвержены пересмотру.

Ситуацию осложняют не только три различные цели безопасности, но и остающиеся без ответа принципиальные вопросы: «Как следует организовать идейное обновление в профессиональном сообществе и при формировании общественного консенсуса?», «С какой периодичностью должно происходить обновление?», «Как в действительности взаимосвязаны “мир и независимость” и “баланс и соотношение сил”?», «Насколько развитие собственной модели влияет на безопасность?», «Что первично для безопасности – условия, состояние мира или статус-кво?», «Какая из целей безопасности является доминирующей?», «Отсутствуют ли противоречия между укреплением западной модели и статус-кво в регионах и в мире?», «Сколько в феномене безопасности статики и сколько динамики?». Ни на один из данных вопросов до сих пор не даны конкретные ответы.

В силу размытости представлений о безопасности любой стратегический диалог затруднён. Без единого понимания цели невозможно достигать стабильных договорённостей и укреплять фундамент сотрудничества. Кроме того, целевая неопределённость способна стать ещё одной угрозой безопасности.

Процессы безопасности

Процессы, если рассуждать теоретически, должны быть связаны с целью. Однако при наличии нескольких целей затруднительно установить однозначную связь, из чего можно заключить, что процессы, о которых пойдёт речь, обладают самостоятельностью, реализуют собственные цели и не всегда системны.

В «Белой книге» 1973–1974 гг. выделены три основных политических процесса:

- *процесс поддержания баланса*. Федеративная Республика Германия не собиралась в нём участвовать, поскольку «[б]езопасность Европы непосредственно касается продолжения переговоров между мировыми державами о стратегическом ядерном вооружении», а им обладали США и СССР. Любопытно, что независимо от результатов поддержания баланса «сохраняются мировоззренческие противоречия и конкурирующие властные интересы»², то есть длительные договорённости оказываются нереальными. В связи с этим 23 сентября 1973 г. президент Р. Никсон предупредил канцлера В. Брандта: «Период разрядки стоит приветствовать, но он не исключает опасности преждевременного ослабления Альянса»³;

- *процесс поддержания союзнических отношений с США и между западноевропейски-*

¹ Ibid. S. 5.

² Ibid. S. 7.

³ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973 / Schwarz H.-P. u.a. (Hg.). München: Oldenbourg, 2004. S. 1451.

ми государствами. Признаётся, что Соединённые Штаты выполняют защитную функцию. Они, «будучи ядерно-стратегической мировой державой в Альянсе, предоставляют защиту, которую ни одно европейское государство не способно для себя создать»¹, гарантируют продолжение интеграции Западной Европы. В этом контексте отмечается, что «интеграция без опоры на Альянс (*ohne Bündnisgrundlage*) подверглась бы большому риску безопасности», поэтому «европейское развитие»² должно учитывать обязательства государств – членов НАТО»³. Кроме того, «Альянсу необходимо тесное сотрудничество его европейских партнёров», позволяющее «оптимизировать всеми доступными средствами военную пользу и гармонизировать политику безопасности и обороны европейских партнеров по Альянсу»⁴;

• *процесс развития контактов с социалистическим лагерем.* С учётом двух предыдущих процессов он является вспомогательным.

Самый простой анализ показывает, что с точки зрения участия (вовлечённости) ФРГ иерархические предрасположения расставлены чётко: страна готова брать на себя часть ответственности за внутренний шлейф безопасности (за сплочение и укрепление НАТО), за популяризацию западной модели и соответствующую работу с тогда уже отнюдь не единым социалистическим лагерем.

Поддержание баланса, а вслед за ним и вторая цель (даже со «значением элементов безопасности ниже ядерного потенциала») могли быть реализованы исключительно компромиссно и в согласии с США. Из этого не стоит делать упрощённый вывод о зависимости ФРГ и европейских членов НАТО от политики Вашингтона. Речь, на наш взгляд, должна идти о специфической модели формирования подходов к европейской безопасности, благодаря которой отношения (содержательно непостоянная категория) непрерывно корректируются под ситуативные вызовы, перенося, в силу затрачиваемых на подобную коррекцию усилий, на позднее время решение фундаментальных общеевропейских вопросов безопасности. Именно этим объясняется появление трёх целей безопасности и частично связанных с ними процессов, поскольку единая цель и подчинённые ей процессы продемонстрировали бы функциональную ограниченность модели, способной развиваться и существовать только в условиях конфронтации и диффузности.

Эйфория от «победы» над социализмом в Европе и «провокации» Москвы, хотя это и не признаётся открыто, спасли модель от бóльшей критики и необходимости её спешно изменить.

Предварительные выводы

Выводы можно разделить на констатирующие и рекомендательно-прогностические.

К выводам *первой группы* относятся следующие:

- феномен европейской безопасности не имеет согласованной основными акторами цели;
- отсутствие цели, комплексность актуальных задач, разнообразные процессы, диффузность затрудняют выработку общих подходов и решений;
- западные партнёры ожидаемо поддерживают собственную модель, пытаются настроить её на глобализацию, на реальные и потенциальные угрозы, стратегическую культуру, критикуют самостоятельную (в их лексиконе – автономную, провокационную, опасную и авторитарную) политику России;

¹ Weißbuch 1973/1974... S. 3.

² В оригинале – «европейские развития».

³ Weißbuch 1973/1974... S. 4.

⁴ Ibid.

- поскольку европейская безопасность продолжает оставаться слабо управляемым сегментированным феноменом, продуктивный диалог пока маловероятен. Кстати, грузинский и украинский кризисы – следствия, а не причины сегментарности;

- неуправляемость затрагивает практически всю совокупность трансформационных процессов в сфере безопасности. При планировании стратегии и тактики важно понимать, что сегментарная трансформация не может быстро, системно и эффективно завершиться;

- институциональный подход к безопасности в нынешних условиях усиливает автономность и самоценность (в известной степени даже сакральность) существующих институтов, что препятствует его критической научной разработке. Не случайно поразительно мало известно о потенциально допустимом взаимодействии альянсов и блоков, о природе трансформаций;

- многоуровневость безопасности рассматривается, как правило, с точки зрения многополярности. При этом без внимания остаётся более значимая, на наш взгляд, проблематика изменения природы многополярности в многоуровневых системах.

Вторую группу составляют следующие выводы:

- с учётом того, что феномен безопасности предусматривает постоянные модификации и изменения, важно выявить общественно-политические, военно-политические, военно-стратегические, культурные элементы его континуитета, что позволит по-новому выстроить комплексные национальные и региональные модели и сценарии обеспечения безопасности и выработать более глубокое понимание традиции, механизмов, направлений, перспектив эволюции и способов влияния на неё;

- развитие институциональной интерпретации безопасности с идеей обыденности создания организаций и институтов способствует утверждению институциональной парадигмы и связанного с ней смыслообразующего дискурса, согласно которому конфликтность исходит не от организаций, а от нежелания их создавать, признавать их равенство и принципы сотрудничества, а также транспарентно расширять их состав;

- в свою очередь, в многоуровневой интерпретации безопасности и в формирующейся под её воздействием парадигме поднимается важный комплекс проблем обеспечения стабильности и предотвращения конфликтности на различных уровнях. Простое обсуждение вопросов «Сколько уровней безопасности существует (должно существовать) в Европе и как ими следует управлять?» имеет важное практическое значение и привлекает, несмотря на известные разногласия, пристальное внимание политиков и экспертов.

Конкретные предложения в сфере безопасности целесообразнее вносить и вести по ним переговоры в рамках логики определённых парадигм. Это повысит ценность предложений, представит национальные интересы в новых контекстах и смыслах.

Список литературы

Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. №5. С. 7-23. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23

Басов Ф.А., Васильев В.И., А. Кокеев А.М., Хорольская М.В. Немецкое представление о безопасности // *Международная жизнь*. 2018. №10. С. 37-54.

Громыко Ал.А. Метаморфозы политического неолиберализма // *Современная Европа*. 2020. №2. С. 6-19. DOI: 10.15211/soveurope220200619

Громыко Ал.А. Структуры соперничества и опыт истории // *Современная Европа*. 2016.

Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2021, №3

№4. С. 6-20.

Данилов Д.А. «Европейская ответственность» в геополитической картине А. Меркель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №1. С. 17-23. DOI: 10.15211/vestnikieran120201723

Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия // Современная Европа. 2020. №3. С. 117-127. DOI: 10.15211/soveurope32020117127

Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №9. С. 29-37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

Павлов Н.В., Хохлов В.Ю. Экспансионизм во внешней политике ФРГ: миф или реальность? // Современная Европа. 2015. №4. С. 69-80.

Шумилин А.И. Евросоюз в поисках новой роли на Ближнем Востоке // Современная Европа. 2019. №3. С. 25-35. DOI: 10.15211/soveurope320192535

References

Baranovskii, V.G. (2019). Novyi miroporyadok: preodolenie starogo ili ego transformatsiya? [The new world order: overcoming the old or transforming it?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. 5. P. 7-23. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23

Basov, F.A., Vasil'ev, V.I., A. Kokeev, A.M., Khorol'skaya, M.V. (2018). Nemetskoe predstavlenie o bezopasnosti [The German concept of security]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life]. 10. P. 37-54. (In Russian).

Danilov, D.A. (2020). «Evropeiskaya otvetstvennost'» v geopoliticheskoi kartine A. Merkel' [«European responsibility» in A. Merkel's geopolitical picture]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of the IE RAS]. 1. P. 17-23. (In Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran120201723

Gromyko, A.I. (2016). Struktury sopernichestva i opyt istorii [Rivalry structures and history experiences]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. 4. P. 6-20. (In Russian).

Gromyko, A.I. (2020). Metamorfozy politicheskogo neoliberalizma [Metamorphoses of political Neoliberalism]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. 2. P. 6-19. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope220200619

Ivanov, O.P. (2020). Modernizatsiya strategii NATO i Rossiya [Modernizing the NATO-Russia strategy]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. 3. P. 117-127. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope32020117127

Lebedeva, M.M. (2019). Sovremennye megatrendy mirovoi politiki [Modern megatrends of world politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. 9. P. 29-37. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

Pavlov, N.V., Khokhlov, V.Yu. (2015). Ekspansionizm vo vneshnei politike FRG: mif ili real'nost'? [Expansionism in German foreign policy: myth or reality?]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. 4. P. 69-80. (In Russian).

Shumilin, A.I. (2019). Evrosoyuz v poiskakh novoi roli na Blizhnem Vostoke [The European Union in search of a new role in the Middle East]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. 3. P. 25-35. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope320192535

Definitions and Paradigms of European Security

Author. Alexey Sindeev, Doctor of Sciences (History), Professor of RAS, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya st., Moscow,

Russia, 125009. **E-mail:** a_sin74@mail.ru. **ORCID:** 0000-0001-5016-7931

Abstract. Modern political activity develops on the basis of disclosure and partial correction of previously developed algorithms and approaches, which significantly increases the practical significance of the historical and political science methodology, with the help of which it is possible to identify the content, directions of evolution, the prospects for changing traditional models and phenomena. The article attempts to study the essence of the security phenomenon in the context of currently emerging paradigms. The working hypothesis was the assumption that the transformational processes of the 1970's, which subsequently experienced a «security swing», their elements, system hierarchy and logic of representation continue to persist in the current Western model, since multi-factor and successful transformations slow down change. As a result of the study, disparities in the substantive definition of security goals, contradictions between political goals and processes were revealed, a working hypothesis was confirmed, and problems that require further study, including through the expansion of the empirical base, were outlined. The article is written mainly on the materials of the three «White Papers» of the Bundeswehr. It is controversial in nature, but already at this stage of the study has a practical value, reflected in four recommendation-prognostic conclusions.

Key words: european security, security paradigms, security systems, security approaches, European security segment, European security level.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320213340>